

— Вэй Усянь, отец сказал, что раз мне исполнилось шесть лет, я могу поехать на Собрание кланов. Он позволит мне познакомиться с людьми из других орденов. Это Собрание клана Не из Цинхэ, и отец может взять с собой только одного ребенка. Говори, что тебе привезти? Я всё тебе добуду...

— Неужели меня правда нельзя взять с собой?

— Тогда тебе придется поторопиться, чтобы тебе скорее исполнилось четырнадцать. Вот тогда сможешь бегать где угодно, ха-ха-ха!

— Но мне же ждать еще семь лет... А-а-а, не хочу! Не хочу расставаться с шимэй! — Вэй Усянь обхватил Цзян Чэна за шею и повис на нем, капризно размахивая ногами.

Цзян Чэн, устав от его выходок, отшлепнул его по рукам:

— Ладно, раз тебе ничего не нужно, значит, ничего и не привезу.

— Нет-нет-нет! Я слышал, что у клана Не из Цинхэ невероятно вкусный жареный ягненок, привези мне хоть одного! — закончив говорить, он принялся усердно разминать Цзян Чэну поясницу и плечи.

— Одного? Так много? Пожалуй, тебе лучше вообще ничего не есть.

В конце концов, под настойчивыми уговорами Вэй Усяня, Цзян Чэн сдался и даже захватил с собой мешочек Цянькунь побольше.

Прибыв вместе с Цзян Фэнмянем в Цинхэ, они разместились в гостевых покоях клана Не. Комната Цзян Чэна находилась на втором этаже. Из окна открывался вид на двор, где временно остановился клан Лань из Гусу. Глядя на суетящихся людей, на их одинаковые белые одежды, одинаковые налобные ленты с узором плывущих облаков и одинаковые невозмутимые выражения лиц, казалось, будто все они вышли из одной формы.

У-ю:

— Среди белоснежных одежд мелькает лишь немного синего, на лбу — налобная лента с узором облаков. Один краше другого, от них так и веет бессмертной грацией.

Ваньинь:

— И правда, красивые.

У-ю:

— Знаешь, как бы их описал Вэй Усянь?

Ваньинь:

— И как же?

У-ю прыснула со смеху и про себя подумала: «Как покойники в трауре». Затем, сделав загадочный вид, добавила:

— Когда нам исполнится четырнадцать и мы отправимся на обучение в Гусу вместе с Вэй Ином, ты сам всё узнаешь.

Цзян Чэн лежал на подоконнике, изнывая от скуки, и вдруг встретился взглядом с юношей из соседнего окна. Тот был в белом, а его налобная лента слегка развевалась на ветру.

У-ю:

— Светлый, как полная луна, благородный муж, равных которому нет.

Ваньинь:

— Кажется, он красивее Вэй Усяня и уж точно лучше Цзинь Цзысюаня.

У-ю:

— Цзинь Цзысюань хорош собой, вот только... я толком не видела его лица. Он вечно задирает голову, а в глазах читается пренебрежение ко всему вокруг. Вылитый павлин, гордо вышагивающий по двору. Не зря Вэй Усянь прозвал его Золотым Павлином.

Цзян Чэн невольно рассмеялся. Лань Сичэнь, увидев, как ребенок с лицом, словно выточенным из нефрита, вдруг расцвел в улыбке, словно прекрасный бутон фиолетового лотоса, не смог отвести глаз. В мыслях промелькнуло: «Неужели этот маленький лотос принял человеческий облик?»

Пока Лань Сичэнь пребывал в замешательстве, он смутно расслышал, как маленький лотос что-то лопочет, кажется: «бла-бла-лотос-бла-бла-пришел...»

Не успел он среагировать, как некий предмет со всего маху врезался ему в нос. Схватившись за ушибленное место, он хотел взглянуть, что же его ударило, как вдруг увидел, что на него летит фиолетовый силуэт. Тот явно целился в окно, но почему-то прямиком на него. Лань Сичэнь инстинктивно вскинул руки, чтобы поймать, но сил не хватило, и оба ребенка кубарем покатались на пол.

(Примечание: после этого случая Лань Сичэнь стал усердно тренировать силу рук — стоя на руках и переписывая правила).

Цзян Чэн чувствовал, что над его головой кружит огромное облако неудач. А ведь он хотел

подружиться с будущим Цзэу-цзюнем, чтобы в будущем иметь поддержку! Он достал из мешочка лотос, который выпросил у Вэй Усяня, чтобы преподнести его в знак доброй воли, а в итоге запустил им в человека!

Желая немедленно извиниться, он выпрыгнул из окна, но его колокольчик очищения сердца зацепился за оконную задвижку. От резкого рывка Цзян Чэн потерял равновесие и полетел прямо на Лань Сичэня.

В пространстве в горчичном зерне двое детей катались по полу от боли.

Ваньинь:

— А-а-а, больно-больно-больно... Почему каждый раз страдает лоб?

У-ю:

— А-а-а, умираю-умираю... Почему каждый раз страдает лоб?

Цзян Чэн, прикрыв глаза и держась за голову, дрожащими руками сполз с Лань Сичэня. Он не заметил, как злосчастный колокольчик, зацепившись за задвижку, порвался, а оторванная часть в момент падения зацепила налобную ленту Лань Сичэня.

Когда Цзян Чэн попытался встать, он почувствовал небольшое сопротивление. Потянул в сторону — не поддается. Применяв секретный прием «Сила творит чудеса», он рванул изо всех сил. Почувствовав, что что-то оторвал, он открыл глаза и увидел в воздухе белую полосу, которую машинально поймал.

У Лань Сичэня в голове звенело — и не от падения, а от того, что он увидел, как этот маленький демон в фиолетовом с ошеломленным видом вертит в руках его налобную ленту, да еще и пальцами по ней водит!

«Хе-хе, приятная на ощупь», — подумал Цзян Чэн.

Он не заметил, что воздух вокруг словно застыл.

В пространстве в горчичном зерне У-ю, увидев, что у них в руках, схватилась за голову. Она-то прекрасно знала, что означает эта лента — она ведь перечитывала оригинал и смотрела аниме. Она обернулась к Ваньиню, который смотрел на неё с полным недоумением.

У-ю вздохнула:

— Неведение — это благо...

Она снова посмотрела на Лань Сичэня снаружи. Его вид был плачевен: одежда растрепана, ворот распахнут, открывая ключицы, волосы в беспорядке, налобная лента исчезла, верхняя губа слегка припухла и покраснела. Он выглядел так, словно его только что обидели.

У-ю подумала: «Ну всё, приехали... Дружбы не выйдет. Хотела начать с размахом, а вышло как-то слишком уж близко...»

Тело среагировало быстрее мозга. Цзян Чэн, бормоча: «Прости, прости, прости...» — лихорадочно застегнул ворот Лань Сичэня, намотал ленту обратно, рывком поднял его и, словно искра, умчался прочь на мече.

В Буцзинши полеты на мечях были запрещены, но на время Собрания кланов ради удобства гостей запрет временно сняли, иначе бы Цзян Чэна тут же поймала стража.

Лань Сичэнь задумчиво смотрел вслед исчезающему Цзян Чэну. Лево́й рукой он сжимал конец ленты, а правой осторожно коснулся губ, которые саднило от удара об лоб Цзян Чэна. «Можно ли считать это телесным контактом? Ленту могут касаться только родители, супруги и дети... Значит ли это, что он...»

Стук в дверь прервал его размышления:

— Молодой господин, мы слышали шум, а потом видели, как кто-то улетел на мече. Вы в порядке?

Лань Сичэнь мягко ответил:

— Всё хорошо, не беспокойтесь.

Оставшись один, он снова посмотрел в ту сторону, куда скрылся «демон в фиолетовом». Какой же это демон?

— Клан Цзян из Юньмэня... Должно быть, это их молодой господин.

Из-за того, что глава ордена Лань вел уединенный образ жизни, тяжелое бремя ответственности рано легло на плечи юного Лань Сичэня. За годы тренировок он научился сохранять невозмутимость, на его лице всегда была мягкая улыбка, а слова всегда были безупречно вежливыми. Но мало кто мог заглянуть ему в душу. Он наклонился, поднял лотос, который когда-то прилетел ему в нос, и его губы беззвучно дрогнули в улыбке.

(Примечание: возможно, именно поэтому, когда Лань Сичэнь оказался в беде, Цзинь Гуанъяо, окруживший его преданностью, так легко вошел в его жизнь, что в итоге привело Лань Сичэня к той же судьбе, что и его отца...)